

В соответствии с объективным, субъективным и социальным признаками экспертиза порнографических предметов и, в частности, соответствующего содержания кино- и видеофильмов может быть только комплексной, поскольку при этом приходится решать разнородные задачи:

а) устанавливать, порнографического ли содержания предмет;

б) определять формы порнографического описания или изображения половых органов, половых актов, половых аномалий и изощрений;

в) оценивать характер воздействия содержания порнографических предметов на психику личности и др.

Вопрос о принадлежности кино- или видеофильмов к порнографическим не может решаться лишь одними искусствоведами или психологами, а тем более врачами-сексопатологами. Поэтому экспертиза,

могушая разрешить данную проблему, должна быть только комплексной судебно-искусствоведческо-психологической (см.: Гулыга А.В. Пол и культура. – В кн.: Научные доклады высшей школы / А.В. Гулыга, И.С. Андреева // Философские науки. – 1973. – № 4. – С. 63-69).

Высококвалифицированные искусствоведы могут указать на признаки, которыми отграничиваются порнографические кино- и видеофильмы от подлинных произведений искусства. Опытный психолог может точно определить характер порнографического влияния на психику личности. Если в уголовном деле возникает проблема разграничения произведения порнографического характера не только с произведениями искусства эротического толка, но и с сексологической литературой, то для этого необходимо назначение комплексной искусствovedческо-психологической (сексопатологической) экспертизы.

П.В. Тепляшин, канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Проблемы законодательного определения субъекта принуждения к даче показаний

Законность и порядок обеспечивается не только путем осуществления конкретных организационных мероприятий, но и решением имеющихся законодательных и правоприменительных проблем. Одной из таких проблем выступает уголовно-правовая охрана интересов правосудия, которые требуют повышенного внимания, особенно с процессами укрепления государственной власти в целом, повышения эффективности функционирования судебно-следственных органов, авторитета правосудия и легитимности судебной власти. В этой связи предлагаем обратить внимание на состав преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ.

Как представляется, Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"¹ не совсем обоснована диспозиция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, наряду со специальным субъектом – следователем и лицом, производящим дознание, дополнена общим субъектом – лицом, не являющимся следователем или производящим дознание, но с их ведома или молчаливого согласия, способным юридически осуществлять принуждение к даче показаний. Ведь отсутствие дифференциации уголовной ответственности этих лиц фактически нивелирует социально-правовую значимость выделения субъекта со специальными признаками.

Более того, достаточно сложно установить причинную связь между действиями принуждающих лиц, не обладающих признаками специального субъекта, и действиями следователя или лица, производящего дознание, "с ведома" которых данное принуждение осуществлялось. Сложность прежде всего состоит в том, что другие лица могут действовать на основании

намек – "припугнуть" конкретное лицо сложившейся предшествующей криминальной практикой и т.п. – и при этом не знать существа (предмета) принуждения, не понимать юридического характера дела, в рамках которого происходит незаконная дача показаний (заклучений), в том объеме, в каком это доступно для следователя или лица, производящего дознание. И в силу того, что это скорее всего вариант прикосновенности к преступлению, то в этом случае будет весьма сложно доказать причастность принуждаемого лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ. Наиболее вероятный вариант квалификации в подобном случае состоит в инкриминировании виновному лицу конкретного преступления против личности в зависимости от тяжести наступивших последствий.

Представляется, что совершение преступления "с молчаливого согласия" следователя или лица, производящего дознание, предполагает осуществление принуждения другими лицами как в присутствии специального субъекта, так и в его отсутствие. Вместе с этим действия лиц, осуществляющих принуждение к даче показаний (заклучений) "с молчаливого согласия" следователя или лица, производящего дознание, нельзя квалифицировать по ст. 302 УК РФ по двум причинам. Во-первых, даже в присутствии специального субъекта, но в силу ранее изложенных обстоятельств действия других лиц не могут являться соисполнительством в принуждении к даче показаний. Во-вторых, ответственность за рассматриваемые действия регламентируется отдельной уголовно-правовой нормой, предусмотренной ст. 309 УК РФ.

Так, часть вторая указанной нормы предусматривает ответственность за принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта или специалиста к даче ложного заключения или осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц и их близких. Из смысла данной уголовно-правовой нормы следует, что субъект этого преступления является общим. По ряду объективных признаков она схожа с принуждением к даче показаний.

Однако если в ст. 302 УК РФ принуждение осуществляется "путем" реализации его конкретного способа, то в ст. 309 УК РФ принуждение "соединено" с его альтернативными способами. Думается, что данные составы, обладая различными подходами (формулировками) описания самого деяния, имеют все же тождественное содержание самих деяний (за исключением некоторой разнородности признаков-способов его совершения) как с семантической, так и юридической точек зрения. Кстати, на этом основании требуется соответствующая унификация признаков описания рассмотренных норм. Предпочтение можно отдать варианту, указанному законодателем в ст. 302 УК РФ, поскольку он в большей степени отражает комплексный, не самостоятельный характер принуждения – необходимость использования имманентных принуждению способов (шантаж, угроза и т.п.).

В ст. 309 УК РФ отсутствуют такие способы совершения принуждения, как "иные незаконные действия", "издевательство" и "пытка". Следовательно, если принуждение соединено с указанными способами, требуется дополнительная квалификация по соответствующей норме уголовного закона. В частности, иные незаконные действия, характеризующаяся недопустимостью их применения, предполагают создание условий, ущемляющих права и интересы принуждаемого, т.е. воздействие, закрепленное в уголовном законе в качестве самостоятельных преступлений, например принуждение к даче показаний путем незаконного лишения свободы либо воспрепятствования совершению религиозных обрядов, и поэтому требующее дополнительной квалификации. Вместе с этим признаки иных незаконных действий как способа принуждения, предусмотренного ст. 302 УК РФ, более насыщены и специфичны. Это объясняется тем обстоятельством, что субъектом данного преступления в первую очередь выступает должностное лицо, которое, в отличие от общего субъекта, может применять внешне законные способы воздействия, но ненадлежащим образом, в частности не к тем участникам процесса либо без соблюдения порядка и условий их использования, например личный досмотр (процессуальное действие) женщины в присутствии лиц мужского пола. Кроме того, представитель власти способен воздействовать средствами, не имеющими вообще никакого нормативного закрепления, но посредством определенной ситуации, создаваемой по причине проведения каких-либо процессуальных действий и мероприятий, например лишение подозреваемого или обвиняемого, находящихся в следственном изоляторе, передач. Указанные особенности признака "иные незаконные действия" очередной раз свидетельствуют об исключительно специальном характере принуждения к даче показаний и проблемах использования в данной норме общего субъекта.

Таким образом, в рассмотренных выше случаях единственно верной представляется квалификация действий общего субъекта по соответствующей части

ст. 309 УК РФ и, в зависимости от способа принуждения и (или) наступивших общественно опасных последствий, по дополнительной уголовно-правовой норме, специального – за должностное преступление.

В случае принуждения к даче показаний с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, логичным будет соучастие в совершении преступления. Однако может ли совместная преступная деятельность в рассматриваемом преступлении возникнуть на основе молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, а также с ведома последних, т.е. односторонней осведомленности о характере совершаемых действий? Вопрос достаточно сложный и значительно затрудняющий квалификацию. Выходит, что следователя и другое лицо можно привлечь к уголовной ответственности за соучастие в принуждении к даче показаний. Хотя абсолютно очевидно, что, в частности, "сговор" и "молчаливое согласие" – понятия не идентичные и имеющие различное содержание и объем. Группу лиц без предварительного сговора в этом случае также проблематично инкриминировать. Ведь специфика преступления не позволяет осуществлять принуждение при таком виде соучастия, когда один из соинициаторов имеет специальные признаки субъекта, другой – общие.

Справедливости ради важно заметить, что принуждению к даче показаний другими лицами с молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, может предшествовать сговор на совершение данного преступления, т.е. оно может быть совершено в соучастии, причем не только в группе лиц по предварительному сговору, но и в составе организованной группы. Впрочем, безусловный характер такой ситуации противоречит замыслу законодателя, касающегося изменений, внесенных Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" в диспозицию рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Несмотря на то что ч. 4 ст. 34 УК РФ носит коллизионный характер, соответствующий вариант квалификации преступления, совершенного в соучастии со специальным субъектом, имеет место на практике. Поэтому такие признаки, как "осуществление принуждения с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание", не будут иметь самостоятельного юридического значения для квалификации, но будут подвергнуты "поглощению" правилами и особенностями квалификации при соучастии. Следовательно, данная законодательная новелла явилась не совсем удачной попыткой законодателя распространить ответственность за принуждение к даче показаний на более широкий круг лиц, но, на что важно обратить внимание, вне рамок института соучастия.

На основании вышеизложенного можно заключить, что включение законодателем в круг субъектов принуждения к даче показаний других лиц является излишним, способным только породить массу дополнительных проблем, связанных с правильной квалификацией и привлечением виновных лиц к уголовной ответственности.

Е.Р.
Упра

Объект

Знач
Прежде
ный при
позволяе
нарушен
ность оп
опасност
квалифиВ юр
определе
объекта пВ пе
объекта
соответс
периода
преступл
вильную
варитель
на обеспе
листичес
ных на н
зывает: "
том всех
УК, явля
отправлеВ на
различны
правосуди
групповы
нимает не
ность) орг
том – но
отдельны
систему
следствия
др.). Доло
жет быть
и достоинКудря
правосуди
других пр
целей и за
Красиков
обществен
держанье
обеспечив
дия. Прест
торитет и
средствен
случаях ра1 Рашковск
правосудия.

2 Рашковск

3 Уголовно

Б.В. Здрав

4 Российско

В.Н. Кудря